

Марина М. Керимова

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, РАН, Москва
mkerimova@yandex.ru

Этнограф Вера Николаевна Харузина

Данная статья посвящена жизни, творчеству и взглядам Веры Николаевны Харузиной (1866-1931), которая была первой женщиной-профессором этнографии в Российских Высших учебных заведениях. Вера Харузина принадлежала к уникальной семье, давшей России четырех известных ученых посвятивших свою жизнь служению любимой науке – этнографии. Перу Михаила Николаевича (1860-1888), Николая Николаевича (1865-1900), Алексея Николаевича (1864-1832) и Веры Николаевны принадлежит около 500 этнографических трудов – среди них монографии, статьи, очерки, художественная проза на этнографические темы, рецензии.

Ключевые слова:

Вера Николаевна Харузина, первая женщина – профессор этнографии, Харузины – семья одаренных русских этнографов, Русская этнография в последней трети XIX – начале XX века

Вера Николаевна Харузина (1866-1931) была первой в России женщиной – профессором этнографии. Человек непреклонной воли, блестящего ума и большой эрудиции, она всю свою жизнь посвятила любимому делу – изучению быта, нравов и обычаев народов мира.

Выходцы из богатого купеческого рода, Вера и трое ее братьев – Михаил (1860-1888), Алексей (1864-1932) и Николай (1865-1900) выбрали нелегкую стезю науки, стали известными этнографами и внесли неоценимый вклад в сокровищницу русской научной мысли.¹ Жизнь и творчество

¹ Только старшая сестра Елена (1860-1924) – по мужу Арандаренко – пошла другим путем: она хотела стать врачом, посещала в Париже лекции по медицине, но из-за тяжелой болезни не смогла завершить образование на медицинских курсах.

Харузиных были тесно связаны с историей и культурой России и свидетельствовали об их глубоком интересе к русскому и другим славянским народам, а также к многочисленным нерусским народам и этническим группам, населявшим Российскую империю.

Родители Харузиных – Николай Иванович Харузин, купец первой гильдии и его любимая жена, купеческая дочь Мария Михайловна Милютинина были людьми необыкновенными. Они принадлежали к поколению „нового“ купечества второй половины XIX в., которое хотело достичь не только личного благосостояния, но и содействовать процветанию России. Эти люди новой эпохи, среди которых выделялись друзья Харузиных – Боткины, Третьяковы, Алексеевы, Прохоровы, Щукины – были устремлены к наукам и искусству, деятельно занимались благотворительностью и меценатством. Родители внимательно относились к интересам, желаниям и стремлениям своих детей, всячески поощряли их увлеченность естественными науками и все крепнущую жажду познать тайны природы и разные стороны и грани окружающей их жизни. Обучению детей в семье Харузиных придавалось большое значение, тщательно подбирались домашние учителя и учебные заведения. Вера закончила с золотой медалью лучшую в Москве частную женскую гимназию. Братья (кроме Николая, обучавшегося в 4-й московской мужской гимназии) – прославленную немецкую гимназию в г. Ревель (Эстляндия).

Выросшие в обстановке мира и согласия, любви и взаимного уважения, братья и сестры отличались сердечной привязанностью и доверием друг к другу, всегда помогали советами, делились планами, вместе не раз ездили в этнографические экспедиции. Нередко их многогранные исследовательские интересы перекрещивались: они увлекались одинаковыми или близкими темами и проблемами, изучали одни и те же регионы России и зарубежья.

Братьев и сестер всегда окружали интересные люди; можно сказать, что они были в центре общественной и культурной жизни Москвы. Их знакомство и общение с выдающимися учеными, писателями, художниками, музыкантами России, среди которых были М. М. Ковалевский, Д. Н. Анучин, А. А. Шахматов, А. Н. Пыпин, М. Н. Сперанский, Л. Н. Толстой, И. С. Аксаков, А. А. Фет, братья Н. Г. и А. Г. Рубенштейны, С. И. Танеев, В. В. Кандинский и многие другие сыграло огромную роль в формировании неординарных личностей, их интеллектуального багажа и художественного вкуса и дарования.

Смерть отца в 1880 г. в возрасте 49 лет было жестоким ударом для всей семьи и особенно для тринадцатилетней Веры, обожавшей этого „сильного человека с нежной душой и великодушным сердцем“, которого она считала воплощением благородства, доброты и интеллигентности. Горестно кончилось ее отрочество, слишком рано наступила зрелость.

Посещение Антропологической выставки в Москве (1877 г.) „дало толчок умственным интересам“ Веры Харузиной. В ней рано пробудился дух

„естественника“, страсть к составлению гербариев, коллекционированию монет, окаменелостей, и, главное, внимание к народным обычаям и поверьям.

Постоянные болезни, а также несовершенство системы женского образования (в университет девушек не принимали, а Московские Высшие женские курсы В. И. Герье в 1886 г. были закрыты и вновь открылись лишь в 1900 г.), не позволило В. Н. Харузиной после окончания гимназии продолжить учебу.² „Университетом“ для Веры стали ее братья, обладавшие большими познаниями в этнографии, антропологии, истории и археологии. Они с радостью опекали сестру, помогали ей в занятиях. А она с жадностью впитывала то, о чем они рассказывали и спорили.

Михаил, старший из братьев, проживший всего 28 лет успел ярко проявить свои способности. Будучи студентом юридического факультета Московского университета, он в 1884 г. был избран секретарем Этнографического отдела Императорского общества естествознания антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ) при Московском университете. Ученик проф. М. М. Ковалевского, Михаил увлекался изучением обычного права, вероисповеданий народов России. Свою монографию „Сведения о казачьих общинах на Дону“ (1885 г.) он посвятил И. С. Аксакову, с которым был близко знаком. Славянофильские воззрения Аксакова и его друга поэта А. А. Фета были близки М. Н. Харузину своим убежденным отстаиванием свободы и независимости всех угнетенных славянских народов. При этом крайний „панславизм“ 1880-х гг. им отрицался – М. Н. Харузин и члены его семьи не признавали насильственного господства одних над другими и ратовали за свободное развитие южных и западных славян.

Последние два года своей жизни – 1887 и 1888 г. М. Н. Харузин посвятил составлению чрезвычайно ценной и пространной „Программы по собиранию сведений об юридических обычаях“ (1887 г.) и публицистических статей, посвященных политическому положению Балтийского Поморья.

Николай Николаевич Харузин, скончавшийся в 35 лет, оставил большое и разностороннее научное наследие. Его интересовала не только этнография, но и археология, право, история, архивное и музейное дело. Почти все его труды, а их немало в разных жанрах (монография, статьи, очерки, обзоры) посвящены исследованию быта, нравов и традиций народов российского Севера, Сибири, Закавказья. Золотую медаль ОЛЕАЭ получила монография Н. Н. Харузина „Русские лопари. Очерк прошлого и современного быта“ (1890 г.). Вместе с профессором В. Ф. Миллером он стоял у истоков создания специализированного журнала „Этнографическое обозрение“ (с 1889 г.), был его бессменным редактором (первые выпуски журнала издавались на его личные средства). Будучи инициатором введения

² Вера лишь иногда посещала публичные лекции, организованные в Москве В. И. Герье, прослушала в Париже лекционные курсы Флакка, Морилье, Саботье. – Об этом подробнее см. : Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 376. оп. 1. д. 4247. л. 1.

специального курса этнографии в высших учебных заведениях России, он первым начал читать лекций по этнографии народов мира и истории первобытного общества в Московском университете (с 1896 г.) и Лазаревском институте восточных языков (с 1897 г.). Учебник, изданный посмертно, был первой публикацией систематического курса лекций по этнографии в России, и подготовлен к печати Алексеем и Верой Харузиными, снабдившими их примечаниями и библиографией.³

Вера гордилась своим братом, его необыкновенной энергией, глубочайшими знаниями и преданностью избранной науке. Трудоемкая работа по редактированию объемного труда Н. Н. Харузина очень много дала самой Вере, которая в начале XX в. тоже будет читать лекции по этнографии в Московских институтах.

После ранней утраты Михаила и Николая (с последним сестра была особенно близка, в детстве их называли „неразлучниками“), Вера находила поддержку у среднего брата Алексея.

Поначалу яркая жизнь А. Н. Харузина впоследствии сложилась трагически. Он начал свою государственную деятельность в 1891 г. чиновником особых поручений при Эстляндском губернаторе. Его восхождение по служебной лестнице было стремительным. В 1906 г. он стал губернатором Бесарабии и камергером при дворе Николая II. В 1908 г., получив должность гофмейстера царского двора, он начинает работать директором Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий, где выполнял личные задания министра внутренних дел П. А. Столыпина и имел непосредственные контакты с канцелярией Министра.

За несколько лет до революции 1917 г. А. Н. Харузин подает в отставку из-за несогласия с политикой правительства, в частности, с политикой министра Макарова, заместителем которого он был с 1911 по 1913 г. Так рухнула некогда блестящая государственная карьера Алексея Харузина. После революции он работает на сельскохозяйственной станции в Тульской губернии, но в 1924 г. возвращается в Москву, где устраивается на работу в Сельскохозяйственное издательство (Сельхозгиз), публикует около 20 работ по огородничеству и овощеводству.

Государственная служба, однако, не помешала А. Н. Харузину стать ученым широкого профиля – антропологом, этнографом, зоологом, ботаником, автором более 70 научных трудов. Вскоре после окончания Московского университета, он вместе с братом Николем командирован в Среднюю Азию, где изучает киргизскую Букеевскую степь с точки зрения антропологии и этнографии. За монографию „Киргизы Букеевской орды“ (М., 1889-1891. Т. 1-2) А. Н. Харузин получает большую золотую медаль от Императорского русского географического общества (ИРГО). Одним из

³ Харузин Н. Н. Этнография. Лекции, читанные в Императорском Московском университете. Вып. 1-4. СПб., 1901-1905.

первых русских этнографов он начал интересоваться проблемой этногенеза и этнической истории казахов.⁴

Немалое место в научном наследии А. Н. Харузина занимает славянская проблематика. Новый этап подъема национально-освободительного движения в южнославянских землях и на Балканах в целом привлекает внимание широкой русской общественности.

В 1899 г. А. Н. Харузин получает от ИРГО средства на поездку в Черногорию, Далмацию, Боснию и Герцеговину. В результате поездки в печати появляется его книга „Босния-Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии“ (СПб., 1901). Она охватывала большой материал, касающийся исторических, этноконфессиональных и антропологических особенностей населения этого интересного региона.

В 1901 г. А. Н. Харузин вместе с Верой (а в 1902 г. самостоятельно) посещает Словению. В результате поездки были написаны познавательные для русских читателей статьи по истории и этнографии словенцев.⁵ Давнее увлечение проблемой крестьянского жилища нашло отражение в его фундаментальной монографии „Славянское жилище в Северо-Западном крае“ (1907). По горячим следам поездки Вера Харузина тоже пишет большой очерк „Крайна“, дополняющий работы брата о Словении и словенцах. Она вводит в очерк новые материалы об одежде, поверьях, брачно-семейных отношениях, подробно останавливается на истории этой страны.⁶

Казалось бы, и научная работа А. Н. Харузина шла блестяще. Но она была прервана годами революции 1917 г. А в 1927 г. ГПУ арестовывает его в числе так называемых „бывших людей, в прошлом связанных с царской администрацией“.⁷ Вторичный арест, по которому Харузину вменялась антисоветская агитация, последовал 21 февраля 1932 г. 8 мая этого же года он умер от сердечного приступа в больнице при Бутырской тюрьме.⁸

Веру потряс первый арест брата Алексея, который долгие годы был самым дорогим человеком, с которым она привыкла делиться и хорошим и

⁴ Киргизами в XIX в. называли казахов. См. работы: Харузин А. Н. К вопросу о происхождении киргизского народа. М., 1895; его же. Степные очерки. М., 1888; его же. Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов и кара-киргизов с 1734 по 1891 г. М, 1891.

⁵ Харузин А. Н. Национальная эволюция словенцев. // Русский вестник. СПб., 1902, № 7; его же. Крестьянин Австрийской Крайны и его постройки. // Живая старина. Вып. I. СПб., 1902; его же. Жилище словенца Верхней Крайны. Вып. III, IV. СПб. 1903 и др.

⁶ Харузина В. Н. Крайна. // Естествознание и география. М, 1902/03. № 3-6.

⁷ Рукопись воспоминаний И. Е. Огневой – супруги Олега, сына А. Н. Харузина. Хранится в личном архиве родственницы Харузиных Е. П. Крюковой.

⁸ Сведения мною получены в ответ на запрос из Центрального архива Федеральной службы контрразведки Российской федерации. Во всех справочных изданиях год смерти А. Н. Харузина ошибочно датирован 1931 г.

плохим. Ей казалось, что все рухнет и в стране и в жизни. Но огромная сила воли помогала В. Н. Харузиной мужественно преодолевать бесконечные недуги и горести и продолжать заниматься любимой наукой.⁹

Спектр этнографических интересов Харузиной был чрезвычайно велик. С 1907 г. она начинает читать лекции по этнографии в Московском археологическом институте и на Высших женских курсах, а в советское время до 1925 г. – в Московском университете. На ВЖК Вера вела обязательный семинар по этнографии и географии и читала лекции по дополнительным предметам – сравнительной этнографии и первобытной культуре. В Московском археологическом институте (и его отделении в г. Смоленск), а также на факультете общественных наук Московского университета она читала лекции „Верования и словесность малокультурных народов“, вела семинар „Методы изучения обрядов“. В течение многих лет преподавания Вера методично готовила свои лекции к будущему изданию, они составили книгу „Этнография“ (М., 1909-1914, Вып. I-II) и изданное посмертно „Введение в этнографию. Описание и классификация народов земного шара“ (М., 1941).

В своих учебниках по этнографии научное освещение отдельных явлений материальной и духовной культуры народов мира В. Н. Харузина подчиняла практической цели – дать слушателям подробное руководство к собиранию этнографических данных, направить на углубленное их изучение. Рассказывая о существовавших в этнографии школах (мифологической, экономической, лингвистической и др.), она всегда выделяла в них те положения, которые могут быть реализованы в практическом исследовании быта, обычаев, нравов разных народов. Широко и плодотворно используя сравнительно-исторический метод в изучении разных народов, она видела в нем не только сопоставление аналогичных этнографических явлений, но и возможность анализа характерных черт и причин их появления. Такой подход сохраняет свою значимость и в наше время, применяется в работах современных российских этнологов и антропологов.¹⁰

⁹ С 1908 г. прогрессировала тяжелая болезнь, в результате которой Вера оказалась прикованной к инвалидному креслу. Чудом спаслась она в 1922 г. во время пожара фамильного дома в Москве. Несмотря на все невзгоды, она помимо чтения лекций не переставала заниматься благотворительностью: во время I Мировой войны она предоставила часть своего дома для штаба, составлявшего списки раненых, доставала перевязочные средства, медицинский инвентарь, белье.

¹⁰ С. А. Токарев в „Истории русской этнографии“ (М, 1966, 426) ошибочно причисляет В. Н. Харузину к эволюционистскому направлению в русской этнографии, однако в своей более поздней работе „Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917-середина 1930-х годов)“. // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. V. М., 1971, 115-116, вероятно пересмотрев свои взгляды, справедливо указывает, что В. Н. Харузина сочетала в своих научных трудах принципы разных школ и методов, взяв из них самое рациональное.

Первый выпуск „Этнографии“, состоящий из 589 страниц Харузина делит на два больших раздела: I. Введение и II. Верования малокультурных народов. Во введение входит семь глав: 1) Исторический путь развития этнографии; 2) Задачи и пределы этнографии; 3) Материал этнографии и вспомогательные источники ее; 4) Разработка этнографического материала; 5-7) Методы этнографии.

Она ставит перед собой задачу: проследить исторический путь развития этнографии, движение от эмпирических описаний жизни народов до второй половины XIX в., когда наука уже подводит к ним теоретический фундамент и „твердой ногой становится в круг научных дисциплин“. Историю накопления этнографического материала Харузина, как и другие ученые, ведет от сочинений Геродота (V в. до н. э.), „Записок“ Юлия Цезаря, „Географии“ Страбона (рубеж старой и новой эры), трудов Тацита и Плиния, Павсания (II в. н. э.), затем обращается к сочинениям писателей средневековья, в которых содержались ценные сведения о готах, лангобардах, шведах, германцах, датчанах и других народах. Все шире раздвигались границы мира для народов Европы благодаря неустранимым скандинавским мореплавателям, путешествиям в святую Землю, страны ближнего Востока и на Балканы. В XIII в. открытием Монголии, Китая, Индии отмечены путешествия венецианца Марко Поло.

Эпоха великих географических открытий, начиная с XV в. прославилась Колумбом, Васко де Гама, Р. Г. де Клавихо, Л. Бартеме и др., а также походами испанцев, португальцев, итальянцев, которые привели европейцев к берегам Африки, Персии, Китая и Японии. Голландцы открывают путь на острова Малайского архипелага, Дж. Кабот – на северо-восточное побережье Северной Америки, а француз Ж. Картье – в Канаду. Далее Харузина пишет об открытиях Австралии начала XVIII в., островов Тихого океана. Не забывает Харузина и русских первооткрывателей – путешествие игумена Даниила в начале XII в. в Святую землю, Т. Коробейникова и братьев Сухановых в XVI-XVII в., посетивших Индию, на четверть века раньше Васко де Гама. Ранее, в XV в. купец Аф. Никитин, дошел до берегов Индии. Его записки, по словам И. И. Срезневского, „принадлежат к числу самых важных памятников своего рода“.¹¹

Российские путешественники XVIII в. и начала XIX в. сделали очень много для этнографии. Царское правительство начало отпускать средства для далеких экспедиций. Появились исследователи Сибири, Киргизских степей, Камчатки, русских владений в Северной Америке: С. П. Крашенинников, П. С. Паллас, Н. П. Рычков, Г. А. Сарычев, барон Майдель и др. „Их труды – отмечала Харузина – представляют неоценимый вклад, как в русскую, так и во всеобщую этнографию“.¹²

¹¹ В. Н. Харузина. Этнография. Вып. I. М., 1909, 9.

¹² Там же, 10.

Целый переворот в этнографической литературе сделали книги Г. Спенсера, Ф. Гиллена, Н. Н. Миклухо-Маклая, в которых изучались австралийские племена. Материал Харузиной значительно расширил представления слушателей и читателей о пополнении этнографии новыми сведениями. Она ввела множество новых фактов, дополняя те сведения, которые уже были опубликованы в учебнике ее брата.

В частности, она останавливается на новом „националистическом направлении“ в этнографической литературе Германии, связанном с именами братьев Grimm. Они видели основную идею в изучении родной старины как залога расцвета народности. Юридические древности, предания и верования немецкого народа, по их мнению, есть „источник его самобытной силы“, выражение „духа народа“. Они начали собирательство народной словесности, народного искусства и обрядов. Влияние деятельности братьев Grimm захватило всю Европу. В России появилась плеяда филологов, фольклористов в лице Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева, В. Ф. Гильфердинга, А. Н. Веселовского и др. В 1846 г. англичанин У. Томс вводит термин „фольклор“ для обозначения народной словесности. Появляются общества и кружки по изучению фольклора разных народов, что дает в свою очередь толчок к изучению древнего мира.

Начиная со второй половины XIX в., утверждает В. Н. Харузина, этнография рассматривает ряд важнейших вопросов о семье и браке в первобытном обществе.

Харузина хочет убедить слушателей и читателей, что новая наука этнография, обладая „жаром молодости“, неумолимо прокладывает себе путь начиная именно со второй половины XIX в. Она еще неравноправна с другими науками, часто в высших учебных заведениях для нее нет специальных кафедр, хотя в западной Европе они уже созданы. Однако возникают этнографические музеи и периодические издания, они становятся „мастерскими“, в которых создаются новые кадры и новые труды. Но неустойчивое отношение к этнографии как науке отразилось, прежде всего, в терминологической неразберихе. Харузина подробно останавливается на истории терминов „этнография“ и „этнология“, излагая мнения разных зарубежных ученых. (Г. Шурц, А. Бастиан, К. Вейле и мн. др.) и делает выводы.

Далее автор считает необходимым рассмотреть различные науки, помогающие в этнографических исследованиях – физическую антропологию, археологию, лингвистику, психологию. На основании изложенного материала автор делает вывод о задачах этнографической науки.

Отличительной особенностью лекций Харузиной является утверждение единства практического и теоретического начала. При этом мысли об этом единстве она не боится повторять в I и II выпусках „Этнографии“, примеряя свои рекомендации к специфике изучения компонентов материальной и духовной культуры. В основе процесса собирания этнографического материала – два пути. Первый путь – сохранение

вещественного памятника и составление коллекций этнографических предметов: орудий и оружия, одежды, украшений, предметов культа и народного искусства. Это – работа специальных этнографических музеев или отделов в музеях общего профиля. Особенно нужно спешить сохранить отживающие свой век предметы. Коллекции нужно систематизировать, пополнять постоянно, чтобы сравнивать аналогичные предметы у разных народов. Музеи, как указывает Харузина, постепенно становятся настоящими лабораториями и научными центрами, где этнографы, выезжающие в экспедиции, могут получить полезные советы для работы на местах. Во время так называемой полевой работы этнограф должен наблюдать и собирать все данные – крупные и мелкие, выявлять свою способность все замечать и оценивать.

Второй путь собирания материалов состоит в описании разнообразных проявлений народной жизни или иначе – в этнографических записях, которые должны отразить зоркость зрения и острую наблюдательность собирателя. В них не должно быть скороспелых попутных замечаний.

Здесь В. Н. Харузина переходила к другим требованиям, а именно к обязанности этнографа овладевать знанием своего предмета, чтобы уметь разбираться в многообразных, подчас и сложных явлениях жизни народов. Знание языка того этноса, который собирается изучать будущий исследователь и обязательно, и желательно. Новейшая этнография ставит перед этнографом задачу овладения научным знанием предмета, необходимостью иметь добросовестный и непредвзятый взгляд, умение „держаться живой почвы народа, чувствовать народную душу“.¹³ Здесь ему на помощь приходит издание программ по собиранию того или иного этнографического материала. При этом указании Харузина ссылается на свой труд „Материалы для библиографии этнографической литературы“ и ценнейший специальный раздел в нем об иностранных и российских этнографических программах, опубликованный в IV выпуске „Этнографии“ Н. Н. Харузина.¹⁴ Автор, однако, предостерегает студентов: программами надо пользоваться с осторожностью, ибо они могут грешить или предвзятостью или неполнотой – ведь „народная жизнь бесконечно многообразна“, и отличается у каждой из народностей своеобразием ее отдельных элементов. Из всего выше сказанного В. Н. Харузина делает вывод: этнографический материал, собранный на местах состоит из: 1) вещественных выразителей культуры народов, наблюдаемых и изучаемых в регионах или в хранилищах специальных музеев, и 2) точного, детального и научного описания быта, верований, мирозерцания отдельных народов.

Подробно рассматривает В. Н. Харузина сущность различных методов, известных этнографической науке. Наиболее плодотворным она считает историко-сравнительный метод, созданный О. Контом и получивший

¹³ Там же, 42.

¹⁴ См. приложение В. Н. Харузиной в IV вып. „Этнографии“ Н. Н. Харузина. СПб., 1909.

развитие в трудах Э. Тэора и других ученых. Рассматривает она статистический, географический методы, касается „теории культурных кругов“ Ф. Гребнера, подробно пишет о разных подходах к классификации рас К. Линнея, Ж. Кувье, И. Блуменбаха, Ф. Лушана, Г. Ретциуса и др., споря с некоторыми из них, раскрывает роль языкознания и социологии в этнографических исследованиях.

Что касается вопроса изучения истории семьи и брака, то, как указывает Харузина, до 60-х г. XIX в. он не стоял. И только когда появились труды ученого И-Я. Бахофена, Дж. Мак-Леннана и Л. Моргана, тогда в корне изменился взгляд на историю семейных отношений (дается подробно характеристика трудов И-Я. Бахофена, Дж. Мак-Леннана, Л. Моргана).¹⁵ Историю семьи изучали английские ученые Дж. Леббок и Г. Спенсер, немецкие У. Вилькен, А. Бастиан, Ю. Липперт, Фр Гельвальд, французский – Жиро-Телон, русский – М. М. Ковалевский, „который своими талантливыми трудами побуждал многих русских исследователей отдать все свои силы на разработку этого вопроса“.¹⁶ Позднее К. Старке и другие ученые продолжили изучать семью у древних народов. Они акцентировали внимание на пережитках первобытных форм семьи на более высоких ступенях культуры. Подводя итоги сказанному, В. Н. Харузина отмечала, что даже в начале XX в. вопрос о первобытной семье до конца не решен: был пройден первичный этап в его разрешении, нужна была большая энергия для новых изысканий.

Все предыдущие исследования, писала Харузина, подготовили почву для этнографии в области изучения норм первобытного права. Первое место при этом отводилось исследованию имущественного, наследственного, уголовного и семейного права, чему автор также уделяет большое внимание в своем учебнике.

Прежде, чем перейти к верованиям у разных народов В. Н. Харузина подробно останавливается на религиозных воззрениях и их развитии, на определении понятия „религия“ в трудах разных западных ученых (А. Ревиль Д. Бринтон, М. Мюллер, Ш. Соссе и др.).

Весьма подробно повествует В. Н. Харузина о сказках, легендах, баснях, устных сказаниях и других фольклорных произведениях, раскрывавших разнообразие проявлений религиозных чувств у многих народов. Она иллюстрирует свой яркий рассказ занимательными примерами и комментариями иностранных и российских ученых.

Характеризуя понятия анимизм, тотемизм, фетишизм автор подробно останавливается на разных трудах западных ученых, посвященных этим проблемам. Несколько разделов лекций Харузиной посвящено космогоничес-

¹⁵ Харузина В. Н. Этнография. Вып. I. М., 1909, 101.

¹⁶ Там же, 103.

ким преданиям, погребальным обрядам, культу мертвых и культу предков (около 100 страниц).

Завершает Харузина первый выпуск „Этнографии“ главой о шаманизме.

Итак, первая книга В. Н. Харузной „Этнография“ является аналитическим исследованием, в основе которого содержится критическое отношение к уже сложившимся во второй половине XIX в. западным течениям и школам в естественных и общественных науках. Рецепция отдельных положений представителей этих школ и неприятие других, позволили автору учебника обосновать собственные суждения по ряду вопросов практической и теоретической этнографии. Все это, совмещенное с изложением конкретного материала по верованиям племен и народностей первобытного общества, сделало исторический обзор религиозных представлений древности объемным и веским, раскрывающим не только их смысл, но и постепенную эволюцию.

Значителен для учебников такого рода и выход в живую современность – в первые два десятилетия XX в., т. е. время, когда В. Н. Харузина читала свои лекции и оформляла их в печатное издание.

Во втором выпуске „Этнографии“ (М., 1914, 467 с.) В. Н. Харузина публикует свой курс лекций, прочитанный ею в Московском Археологическом институте в 1905-1912 г. и посвященный приемам изучения материальной культуры. Она останавливается на таких компонентах народной культуры, как жилище, одежда, украшения, пища, иллюстрируя их материалами из жизни народов мира. Изучать материальную культуру, считает Харузина, нужно применяя знания приемов и принципов собирания этнографического материала и его научной обработки, которые могут быть полезными для подготовки студентов к этнографической деятельности. Автор предостерегает: чрезмерное увлечение теориями иногда губительно для этнографа-практика, так как теории нередко опровергаются собранным материалом. Из этого следует вывод, что изучение теорий в этнографической науке должно соседствовать с постижением реальной народной жизни. В. Н. Харузина считает, что в сочинениях П. Эренрейха, Б. Анкермана, Т. Кох-Грюнберга, а также русских ученых – В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга и др. в конце XIX – начале XX в. ярко проявилось это сочетание теоретического и практического начала в исследованиях народной жизни.¹⁷

Отдельно останавливается лектор на вопросе подготовки к научной экспедиции.

В лекциях о жилище, одежде и пище Харузина использовала огромный сравнительный материал из жизни различных племен Африки и Австралии, народов Германии, Голландии, Словении, России и всюду искала факты для сопоставлений сходных традиций и религиозных представлений,

¹⁷ Харузина В. Н. Этнография. Вып. II. М., 1914, 3.

обращала внимание на уровень культуры, разность обычаев, запретов и др. Ее во многом уникальные сведения, изложенные ясным языком, привлекали к лекциям не только студентов, но и просто читателей.

Эволюция жилища изучается в развитии от простейших форм к сложным. При этом в каждом конкретном случае привлекаются данные археологии. Здесь явственно проступает приверженность В. Н. Харузиной к известной „анучинской триаде“ о единстве антропологии, археологии и этнографии, что неизменно дает углубленное толкование предмета изучения. В. Н. Харузина настоятельно рекомендует слушателям и читателям ее курса обращаться к работам Г. Шурца, А. Ретциуса, Г. Мейера и др., которые исследовали отдельные виды построек и вопросы взаимовлияния в области домостроения у разных народов. Она советует внимательно изучать проблемы эволюции жилищ и хозяйственных построек в отдельной географической области и у одной народности или группы племен и народов. Здесь В. Н. Харузина выделяет исследования А. Ретциуса о жилище финнов, Н. Н. Харузина о жилище тюркский и монгольских народностей, А. Н. Харузина о жилище славян Северо-западного края и др.

Оперируя в основном материалами племенного быта у разных народов зарубежья, а также богатейшими данными о крестьянских постройках России, В. Н. Харузина скрупулезно описывает планировку селений, дворов, касаясь развития жилища, приводит цифровой и иной фактический материал о его размерах, строительных материалах и их эволюции, внутреннем убранстве дома и т. п.

В. Н. Харузина не случайно приводит столь подробный материал – она уверена, что жилище, как пища и одежда значительны в жизни человека и обозначают определенный уровень материальной культуры племен и народностей.

Две главы посвящены одежде, ее классификации и влиянию на нее разных факторов. В. Н. Харузина подробно описывает будничную и праздничную одежду, интересно рассуждает о влиянии на нее кастовых и сословных признаков, а также военных установок, пишет о необходимости фотографировать весь комплекс разных деталей одежды. Ее интересует материал, из которого делается ткань, техника изготовления и развитие ткачества, участие в нем женщин и мужчин, головные уборы и обувь у разных народов, рукавицы и появление перчаток, украшения (вышивки, рисунки, орнаменты) и их названия и даже вкусы (предпочтения) людей. В финале десятой главы В. Н. Харузина знакомит аудиторию с внушительным библиографическим указателем по вышивкам и орнаментам.

Народное искусство всегда привлекало В. Н. Харузину. Она изучала народные игрушки, сотрудничала в этом вопросе со своим другом, художником – исследователем игрушки Н. Д. Бартрамом, который с 1906 г. заведовал художественной частью Кустарного музея, а в 1918 г. основал в Москве первый в стране Музей игрушки и был избран действительным членом Академии художеств. В работе над бытовой и этнографической

игрушкой Бартраму очень помогла частная коллекция В. Н. Харузиной. Дочь Бартрама, А. Н. Изергина вспоминала, что В. Н. Харузина „сразу почувствовала в отце талант и способности исследователя, она помогала ему разобраться в многообразных материалах, касающихся детских игр и игрушек как наших детей, так и детей народностей всего земного шара“.¹⁸

В заключительной главе о пище первобытных народов В. Н. Харузина акцентировала внимание на том, что виды продуктов всегда зависят от окружающей природы, от занятий жителей, от степени развития культуры быта и умственных способностей. Чем выше уровень культуры, тем быстрее исчезает зависимость пищи от флоры и фауны определенной географической среды, от места проживания, тем шире становится круг продуктов. Весьма подробно лектор рассказывает о способах приготовления пищи у разных народов.

Посмертное издание лекций В. Н. Харузиной „Введение в этнографию. Описание и классификация народов земного шара“ (М., 1941) под редакцией доцента Московского университета А. М. Золотарева состоит из 17 лекций. В первой части книги публикуются лекции на темы: предмет этнографии и методы этнографии. Во вторую часть входят лекции, характеризующие отдельные стороны материальной и духовной культуры народов разных стран и континентов. Среди них: Австралия, Меланезия, Микронезия, Полинезия, Культурные круги Океании, Африка, Северная Америка, Атлантическая группа индейцев, Южная Америка и Азия. Эти лекции, прочитанные В. Н. Харузиной в 1911-1912 г. на Высших женских курсах в Москве затем были восстановлены по запискам слушательниц и изданы тогда же литографическим способом. В отличие от предыдущих двух выпусков лекций, Харузина сочла нужным несколько изменить текст, расширив свои размышления о теориях западных этнографов и антропологов последних десятилетий XIX в. и начала XX в., когда она читала свои лекции и оформляла их для издания. В 1931 г. Вера Николаевна умерла, но слушательницы сохранили ее труд для будущих поколений этнографов.

В предисловии к изданию „Введение в этнографию. Описание и классификация народов земного шара“ его редактор А. М. Золотарев, поясняет, чем вызвана идея публикации именно этих лекций. Он пишет: „Отсутствие учебника этнографии или книги, способной заменить его хотя бы в некоторой степени, побудили исторический факультет Московского университета переиздать лекции В. Н. Харузиной. В соответствии с программой курса „Введение в этнографию“, читаемого на историческом факультете, переиздается только часть лекций Харузиной, посвященная описанию и классификации народов земного шара. В настоящем своем виде лекции Харузиной, несмотря на неполноту отдельных частей, устарелость некоторых положений и взглядов, являются лучшим кратким обзором по общей этнографии и, впредь до выхода советского учебника, могут служить

¹⁸ Бартрам Н. Д. Избранные статьи. Воспоминания. М. 1979, 87.

учебным пособием для студентов¹⁹. Первые семь лекций в этом издании представляют собой сокращенный вариант текста лекций, представленных В. Н. Харузиной во введении к первому выпуску ее большого труда „Этнография“ (1909).

Лекции о предмете этнографии В. Н. Харузина начинала с вопроса о накоплении этнографического материала с V в. до н. э. (Геродот, Ксенофонт, Ю. Цезарь, Страбон и мн. др.). Открытия нашей эры она ведет с VI в., описывая путешествия и составленные во время них путевые записки большого количества людей, а для XVIII-XIX в. подчеркивает роль путешествий как русских, так и иностранных первооткрывателей и ученых. Этот материал, считает Харузина, был первым фактором, давшим возможность этнографии развиваться в науку. Вторым был, по ее мнению, момент изучения в Европе и России XIX в. проблемы самобытности народов, их верований, народного искусства и словесности (брата Гримм, Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев и др.). Третьим же фактором она объявляет начало изучения далекой древности многих племен и народностей земного шара. Здесь В. Н. Харузина считает нужным повторить свое положение о существовании в XIX в. „ложной идеи“, в основе которой было преувеличение „культуртрегерской роли“ европейских народов. Европейские народы призваны были, – писала она, – нести свет просвещения в среду цветных народов... Колониальная политика европейцев запятнана темными деяниями. Целые племена так называемых „диких“ народов истреблялись, отравлялись, спивались, и все это делалось во имя „высокой цивилизации“. Устраивались карательные экспедиции, чтобы поддержать „право“ европейцев на приобретенные области, а „право это было основано на хищническом захвате. Казни, истязания, попирание человеческого достоинства „диких“ – все это оправдывалось не только в периодической прессе, но и на страницах серьезных книг. Разве – спрашивала далее В. Н. Харузина – существование этих „диких“ народов могло высоко цениться с точки зрения европейской цивилизации, которая должна была, сметая все на своем пути, воцариться на всем земном шаре? Исходя из этой идеи, европейские правительства в своей колонизаторской деятельности отрекались от тех идей гуманности, которые являются, может быть, самым драгоценным плодом европейской цивилизации. Мне хотелось бы указать, что если не первый, то весьма настойчивый призыв к гуманности по отношению к „диким“ народам был высказан именно со стороны этнографов. И до сих пор ученые-этнографы Европы с кафедр и в научных сочинениях с резкой критикой относятся к некоторым действиям колониальной администрации своих собственных стран, отстаивая идею гуманности по отношению к цветным народам“²⁰.

¹⁹ Предисловие А. М. Золотарева к книге: Харузина В. Н. Введение в этнографию. Описание и классификация народов земного шара. М., 1941, 1.

²⁰ Харузина В. Н. Введение в этнографию..., 10-11.

Помимо того, что это пространное высказывание В. Н. Харузиной свидетельствовало о ее глубоко прогрессивном убеждении в необходимости отрицания всех шовинистических и ксенофобских идей, оно очень актуально звучало в издании 1941 г., в начале II Мировой и Великой отечественной войн, когда гитлеровский фашизм упорно нес народам мысль о „высшей расе“ и „высшей цивилизации“, способной якобы покорить мир.

Множество рецензий в российской периодике того времени откликнулось на выход в свет учебника В. Н. Харузиной. В 1912 г. профессор Московского университета и учитель Н. Н. Харузина В. Ф. Миллер писал Вере: „...Ваш курс очень ценен. Он в настоящее время служит единственной связью с вопросами общей этнографии“.²¹ Не менее лестно о лекциях В. Н. Харузиной 1911-1912 г., вошедших в посмертное издание отзывается А. М. Золотарев. Он как редактор этого труда и автор предисловия к нему, так аргументирует его публикацию в 1941 г.: „Этот труд является лучшим кратким обзором по общей этнографии, и впредь до выхода советского учебника, может служить учебным пособием для студентов“.²² Редактор снабжает публикацию подробным подстрочным комментарием, который, по существу, представляет собой серьезную рецензию.

Важно и то, что третья книга ее лекций была воспринята в 1941 г. как серьезное учебное пособие для преподавания этнографии в российских вузах. Она ценна по многим параметрам: по конкретному материалу, в котором освещались элементы материальной и духовной культуры народов многих стран и архипелагов и предворяющему их краткому изложению исторических этапов становления этнографических знаний и изложению материала об оформлении этнографии в самостоятельную научную дисциплину.

Безусловная заслуга Харузиной заключается в том, что вдохновленная примером своих братьев Михаила и Николая, она уделила серьезное внимание изучению быта и нравов малых народностей русского Севера и Сибири, выпустив в свет несколько ярких этнографических очерков („Лопари“, „Вотяки“, „Юкагиры“, „Тунгусы“), чем шла в ногу с передовой тенденцией в русской этнографии конца XIX – начала XX в.

Велик ее вклад и в ознакомление русского общества с новейшими достижениями и течениями западноевропейской этнографии. Как отмечает известный этнограф Д. К. Зеленин, „не было ни одного сколько-нибудь крупного европейского этнографа, на труды которого В. Н. Харузина не откликнулась бы своими многочисленными рецензиями“.²³

²¹ ОПИ ГИМ. Ф. 451. Д. 37. Л. 19.

²² Предисловие А. М. Золотарева к учебнику В. Н. Харузиной „Введение в этнографию...“ С. 3.

²³ Зеленин Д. К. Вера Николаевна Харузина (1866-1931). *Lud slowianski*. Т. II. Варшава, 1931, 276.

Фольклор и мифология также занимали немалое место в ее творческой и научной деятельности. Она составила и опубликовала сборники сказок разных народов: „Сказки русских инородцев“ (М., 1898, с краткими бытовыми очерками и иллюстрациями), „Африканские сказки“ (М., 1919). В рукописи остались труды Харузиной „Мифы из Южной Америки“, „Чудовищное в фантастике и культовых представлениях“. Интересовали Веру и „примитивные формы драматического искусства“, народная словесность, игры и игрушки, постановка музейного дела, преподавание этнографии в средней школе.²⁴

Она принимала активное участие в составлении научно-популярных программ, которые были в центре усилий научных обществ – ИРГО и ИОЛЕАЭ. Таковы ее „Программа для собирания сведений о родильных и крестильных обрядах у русских крестьян и инородцев“ и „Почитание огня“, которые до сих пор используются современными этнографами. В сферу ее интересов входил также вопрос о постановке музейного дела в России и на Западе, она инициировала передачу экспонатов от своих учеников и родных в Дашковский этнографический музей Москвы и Русский музей в Петербурге.

Вера Николаевна обладала прекрасным слогом, писала легко и красочно. Не будет преувеличением назвать ее талантливым прозаиком. Она – автор рассказов и сказочных повестей „Царевна – каменное сердечко“ (1899, выдержала несколько изданий), „Оцзи и Олесь. Рассказ из жизни лопарей“ (1903), „Друзья. Картинки из жизни словенских детей“ (1909), „Тунгусенок Михайло“ (1928) и др.

В течение двадцати одного года (с 1904 по 1925 г.), постепенно, преодолевая невзгоды и болезни (смерть профессора В. Ф. Миллера, гибель любимого племянника Мстислава, глухота художника А. В. Средина (ученика И. И. Левитана) – человека, пронесшего любовь к Харузиной через всю свою жизнь), Вера Николаевна пишет мемуары „Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет“,²⁵ в которых демонстрирует не только профессиональную наблюдательность и незаурядную память, но и литературный талант, позволивший ей создать выразительную картину быта и нравов московского купечества второй половины XIX в.

До конца жизни у Харузиной не угасал живой интерес к избранной ею науке: она занималась со студентами на дому, продолжала следить за успехами русской и зарубежной этнографии, до 1929 г. выходили ее статьи.

²⁴ См., на пример, ее труды: Игрушки у малокультурных народов. // Игрушка, ее история и значение. М., 1912; Время и обстановка рассказывания повествовательных произведений народной словесности. // Ученые записки РАНИОН. М., 1929. Т. III; Примитивные формы драматического искусства. // Этнография. 1927; Заметки по поводу употребления слова „фетишизм“. // Этнографическое обозрение. М., 1908. № 1 и мн. др.

²⁵ Харузина В. Н. Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет. // Россия в мемуарах. М., 1999. (Вступительная статья, комментарий и указатель имен М. М. Керимовой и О. Б. Наумовой). Рукопись была обнаружена М. М. Керимовой в 1997 г. в архиве Исторического музея г. Москвы (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Ед. хр. 77-82) .

Умерла Вера Николаевна 14 мая 1931 г., похоронена в Москве на кладбище Донского монастыря.

Марина М. Керимова,

Етнограф Вера Николаевна Харузина

Кључне речи:

Вера Николајевн Харузина, прва жена професор етнографије, Породица Харузин – обдарени руски етнографи, Руска етнографија у последњој трећини XIX и почетком XX века

Овај чланак је посвећен животу, раду и погледима Вере Николајевне Харузине (1866-1931), прве жене – професора етнографије у руским високошколским установама. Вера Харузина је припадала јединственој породици, која је Русији дала четири позната научника. Они су цео свој живот посветили етнографији, коју су веома волели. Михаил Николајевич (1860-1888), Николај Николајевич (1865-1900), Алексеј Николајевич (1864-1932) и Вера Николајевна написали су око 500 радова из области етнографије, међу којима су монографије, чланци, осврти, уметничка проза на етнографске теме, рецензије.

Научна делатност В. Н. Харузине изванредно је разнолика. Од 1907. године она почиње да предаје етнографију на руским високим женским школама и у Археолошком институту у Москви, а од 1919. до 1925. и предаје је на Московском универзитету. Њена предавања су сабрана у књизи „Етнографија“ (М. 1909-1914, издање 1-2) и у књизи која је објављена после њене смрти – „Увод у етнографију. Опис и класификација народа света“ (М. 1941). Ове уџбенике су савременици оценили као најбоље кратке прегледе опште етнографије почетка XX века. Она, као и њена браћа Михаил и Николај, посебну пажњу поклања проучавању свакодневног живота и обичаја „малих“ народа, који су живели на северу и у Сибиру, те пише етнографске осврте о Јукагирима, Лопарима, Тунгузима, Вотјацима. Такође, саставља и објављује зборник бајки разних народа света. В. Н. Харузина је два месеца

током 1901. г. радила на терену и после повратка у Русију написала је етнографски осврт „Крајна“.

Вера Харузина је аутор изванредних етнографских програма: „Програма за сакупљање података о обредима везаним за рађање и крштење код руских сељака и припадника неруских народа“ и „Поштовање ватре“, којима се савремени етнологзи и данас користе. Харузину су такође интересовала питања организације рада музеја у Русији и иностранству.

В. Н. Харузина је и талентовани прозаиста. Писала је бајке и приповетке. Недавно су у књижевној едицији „Русија у мемоарима“ биле издате њене успомене, у којима је са много талента приказана изванредна слика свакодневног живота и обичаја руског трговачког сталежа с краја XIX века, а где се говори и о судбини њене породице која се у то време налазила у центру културног живота Москве.